

УДК 81-13

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВИДЫ И АСПЕКТЫ

Марина В. Батюшкина^{1, @}¹ Законодательное Собрание Омской области, 644002, г. Омск, ул. Красный Путь, 1
[@] soulangeana@mail.ru*Поступила в редакцию 22.11.2016.
Принята к печати 02.02.2017.*

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, юридический дискурс, экспертное мнение, междисциплинарная компетенция эксперта, классификация.

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты исследования, основной целью которого является анализ востребованности в применении специальных лингвистических знаний в юридическом дискурсе и определение компетенции эксперта-лингвиста. Проанализированы основы применения лингвистических знаний в аспекте юридического дискурса. Уделено внимание анализу соотношения понятия «юридический дискурс» с понятиями «законодательный дискурс», «правоприменительный дискурс», «судебный дискурс». Обозначена проблема классификации лингвистических экспертиз в юридическом дискурсе, приведено авторское видение родовидового соотношения правотворческих лингвистических экспертиз, правоприменительных лингвистических экспертиз и судебных лингвистических экспертиз. Автор обращает внимание на тот факт, что результат лингвистической экспертизы во многом зависит от уровня подготовленности эксперта-лингвиста, его междисциплинарной и экспертной компетенций. Показано, что комплексная экспертиза может выполняться и практически выполняется одним экспертом, имеющим необходимые знания и умения. Исследование проведено на основе общенаучного диалектического метода. Специальными методами, использованными при проведении научного исследования, являются: системно-структурный, логический, сравнительный, а также методы индукции и анализа. Полученные результаты вносят вклад в комплексное изучение методологических оснований лингвистической экспертизы, проводимой в юридическом дискурсе.

Для цитирования: Батюшкина М. В. Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе: виды и аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 164 – 172. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-164-172.

Вводные замечания

Актуальность обращения к теме родовидовой классификации лингвистических экспертиз в аспекте юридического дискурса связана как минимум с двумя причинами: с одной стороны, уровнем исследования данного вопроса в лингвистической и правовой науке, а также в такой междисциплинарной области знания, как юрислингвистика; с другой стороны, востребованностью качественной лингвистической экспертизы на практике, при создании и толковании законов, в судебном процессе.

Особенности функционирования языка в юридической сфере традиционно представляют большой интерес как для лингвистов (А. Н. Баранов, К. И. Бринев, Л. О. Бутакова, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, Н. Н. Ивакина, В. П. Нерознак, М. А. Осадчий и др.), так и для правоведов (С. С. Алексеев, Л. Н. Васильева, Е. А. Крюкова, Н. В. Ляшенко, А. С. Пиголкин, Н. И. Хабибулина, А. Н. Шепелев и др.). Эта позиция во многом обусловлена рассмотрением языка как одного из ключевых факторов становления российской правовой системы, развития правосознания и правовой культуры. Поэтому лингвистическая экспер-

тиза совершенно обоснованно рассматривается в качестве «средства юридической деятельности» [1, с. 779], «инструмента языковой политики» [2, с. 209], средства доказывания в судебной практике (Т. А. Алексеева, Е. А. Ануфриева, К. И. Бринев, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев и др.).

Несмотря на проведение фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистических экспертиз, далеко не всегда не только теории, но и практики ориентируются в видах и родах лингвистических экспертиз, их общих и частных объектно-предметных особенностях, задачах, методологии, возможностях и перспективах использования результатов. Кроме того, отмечается частичное дублирование предметов и задач лингвистической и иных видов экспертиз (психолингвистической, юридико-технической, антикоррупционной и др.). Например, при проведении лингвистической экспертизы законопроектов особенности законодательной техники рассматриваются в качестве жанрово-стилистических, а при проведении правовой экспертизы язык закона рассматривается в качестве неотъемлемой части юридической техники.

В качестве положительной тенденции следует отметить, что в основе многих исследований по проблемам функционирования языка в юридической сфере и экспертного исследования продуктов речевой деятельности используется дискурсивная методология (И. Г. Адоньева, М. Галдия, Т. В. Дубровская, В. И. Карасик, Н. Н. Костина, О. А. Крапивкина, С. Н. Слепухин, Н. Г. Фогельсон, Н. Г. Храмцова и др.). Настоящая работа также выполнена в дискурсивном аспекте. Для целей настоящего исследования дискурс понимается как языковая культура, в которой формируется общество и существует личность. Системой координат, позволяющей приблизиться к раскрытию феномена дискурса и охарактеризовать определенные условия его существования, являются субъективный, объективный и процессуальный параметры, а именно: культурно-исторический и этноязыковой контекст, статусно-функциональная роль участников общения, форма воплощения дискурса (устная, письменная, электронная).

Юридический дискурс отражает в себе политические, экономические, морально-этические, этноязыковые факторы организации государства и общества, в связи с чем юридический дискурс понимается нами как совокупность лингвокультурных явлений действительности, при помощи которых происходит порождение и восприятие правовых текстов и осуществляется правовая коммуникация. Формирование юридического дискурса основано на таких взаимообусловленных процессах, как создание правовых норм (правотворческий дискурс) и реализация правовых норм на практике (правоприменительный и судебный дискурсы) [3].

Необходимость моделирования родовидовой классификации лингвистических экспертиз с учетом представления об особенностях организации юридического дискурса обусловлена также и тем, что в научных исследованиях недостаточно внимания уделяется следующим вопросам: какую роль играют экстралингвистические функционально-прагматические параметры правотворческого, правоприменительного и судебного дискурсов при формировании представления о родах и видах лингвистических экспертиз и предмете лингвистической экспертизы в целом? Обусловлены ли результаты лингвистических экспертиз спецификой юридического дискурса и влияют ли они на развитие лингвистики и права? От чего зависят результаты лингвистической экспертизы (от формулировки вопросов, на которые должен ответить эксперт, от квалификации эксперта, иных факторов)? Какими профессиональными компетенциями (предметными и экспертными) должны обладать специалисты, осуществляющие лингвистическую экспертизу в правотворческом, правоприменительном и судебном процессах? Настоящая статья и должна, по замыслу автора, восполнить некоторые пробелы в освещении данных вопросов.

Теоретический анализ

Традиционно под экспертизой в общем смысле понимается форма исследования (анализа) какого-либо одушевленного или неодушевленного объекта, продукта речемыслительной деятельности, продукта жизнедеятельности, явления или состояния с помощью применения специальных знаний. В связи с этим в объем и содержание широкого родового понятия экспертизы, в зависимости от предмета экспертизы и соответствующей

методологии экспертной деятельности, совершенно обоснованно входят понятия видов (подвидов) экспертиз.

Предметная сторона экспертизы как определенного алгоритма вывода знаний связана с парадигмами, или процедурами исследовательских приемов, фундаментальных и прикладных наук как видов научного знания. Например, биологическая экспертиза, исследующая объекты растительного и животного происхождения, основывается на парадигмах биологии; психологическая экспертиза, исследующая психологию и психофизиологию человека, – на психологии.

Разнородность лингвистических экспертиз, осуществляемых в рамках современного юридического дискурса, связана с тем, как понимаются природа, объект, предмет и задачи экспертизы в лингвистике и юриспруденции, а также – какие методы используются экспертом-лингвистом для решения поставленных вопросов.

Лингвистическая экспертиза, прежде всего, основывается на знаниях, полученных в результате фундаментальных и прикладных исследований языка, речевой деятельности, текста. Развивая теорию Ф. де Соссюра о лингвистике языка и лингвистике речи [4], можно тот или иной вид лингвистической экспертизы, в зависимости от аспекта экспертного исследования, отнести либо к классу языковедческих, либо к классу речеведческих экспертиз. Однако, как правило, любой лингвистический анализ подразумевает комплексное исследование объекта экспертизы, как с позиции языковых, так и с позиции речевых категорий. Это делает лингвистическую экспертизу более полной и аргументированной и предопределяет методику ее проведения. С лингвистической точки зрения комплексный подход обусловлен тем, что речевые категории коррелируют с языковыми; в свою очередь, языковые категории (фонетические, грамматические, семасиологические) – друг с другом.

Экспертные лингвистические исследования не только базируются на достижениях лингвистической науки, но и развивают ее. Как полагает К. И. Бринев, на «глубинном уровне» теоретическое и прикладное исследование представляются в каком-то отношении единым, логически обоснованным целым; эта взаимосвязь проявляется в том, что лингвистическая экспертиза выступает для теоретической лингвистики в качестве своего рода «нового материала, на котором можно проверить теоретические лингвистические построения и апробировать их эффективность» [5, с. 3 – 4]. Кроме того, по мысли Н. Д. Голева, лингвистическая экспертиза «высвечивает» пробелы в теоретическом и прикладном знаниях о языке [1, с. 192 – 193; 6].

По мнению А. В. Нестерова, экспертиза как инструмент познания «возникла в юриспруденции», а потому «продукт экспертизы всегда имеет потенциальное или действительное юридическое значение» [7, с. 162 – 163]. Это высказывание помогает понять ту позицию, которая сложилась в профессиональной юридической коммуникации по отношению к лингвистической экспертизе. Дискурсивный аспект в этом случае является основным. Соответственно моделирование классификации лингвистических экспертиз обусловлено прикладными аспектами применения лингвистических знаний в юридическом дискурсе.

Как было отмечено ранее, юридический дискурс рассматривается нами в родовидовом соотношении с право-

творческим, правоприменительным и судебным. Задачи и востребованность экспертного лингвистического исследования в правотворчестве, правоприменении и судебном процессе обуславливают выделение трех классов лингвистических экспертиз: правотворческих, правоприменительных и судебных.

Правотворческая лингвистическая экспертиза проводится на этапе создания проекта правового акта в целях его лингвистического анализа. К классу правотворческих экспертиз наряду с лингвистической экспертизой относятся правовая, юридико-техническая, антикоррупционная, педагогическая и др. Несмотря на то, что у каждого вида экспертного исследования своя предметная специфика, в целом всесторонний разнопредметный анализ направлен на устранение дефектов изложения правовой мысли (Л. Ф. Апт, В. М. Баранов, Н. А. Калинина, Т. В. Кашанина, Д. В. Чухвичев и др.).

Дефекты изложения правовой мысли обусловлены недостаточным уровнем сформированности представлений о правовых понятиях и их взаимосвязях, а потому находят отражение в виде неточных, неясных, противоречивых, дублирующих, взаимоисключающих формулировок. Дефектность правовой нормы влияет на ее толкование и, соответственно, применение на практике [8]. Поэтому правотворческая лингвистическая экспертиза не просто обусловлена потребностью подготовки грамотно написанного и правильно оформленного текста, она является одним из инструментов государственной языковой политики, направленной на исполнение определенного дискурсивного алгоритма государственно-правового строительства. Качество правового текста определяется эффективностью его функционирования в юридическом дискурсе, тем, насколько полно правовой текст позволяет решать социально-политические, финансово-экономические и другие задачи.

На наш взгляд, правотворческая лингвистическая экспертиза должна включать следующие основные аспекты: грамматический, семантический, стилистический, герменевтический, прогностический. В результате проведения правотворческой лингвистической экспертизы текст проекта правового акта должен быть проанализирован, с одной стороны, на предмет соответствия нормам современного русского литературного языка, правилам русской орфографии и пунктуации, а также жанрово-стилистическим особенностям; с другой стороны, на предмет определенности/неопределенности (вариативности) интерпретации и предстоящей интердискурсивной адаптации.

Следует констатировать, что в настоящее время правотворческая лингвистическая экспертиза, как правило, рассматривается в узком смысле – как корректорский (редакторский) анализ текста, предполагающий наряду с лингвистическим также и юридико-технический анализ (О. А. Иванюк, Е. А. Крюкова, А. С. Пиголкин, А. Ю. Тихомиров, А. Д. Шмелев и др.). Другими словами, основное внимание при проведении правотворческой лингвистической экспертизы уделяется анализу языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений), соблюдения правил орфографии и пунктуации и особенностей нормативно-правовой стилистики. Об этом, в частности, свидетельствуют положения методических рекомендаций

по лингвистической экспертизе, а также положения, закрепленные в правовых актах о правотворчестве.

Так, в соответствии с методическими рекомендациями по лингвистической экспертизе законопроектов (разработаны Государственной Думой) лингвистическая экспертиза заключается в «приведении языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка, выявлении разнобоя в терминологии, соотнесении терминов законопроекта с терминами, применяемыми в законодательстве, устранении логических и технических ошибок, уточнении формулировок» [9, с. 236].

В законе о нормативных правовых актах Нижегородской области лингвистическая экспертиза понимается в качестве оценки на основе анализа языка и стиля текстов нормативных правовых актов их стилистического качества, соответствия нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей юридических текстов, их типологической специфики, редакционно-технических правил и нормативов [10]. По итогам лингвистической экспертизы осуществляется редакционно-техническая доработка текста [10].

Акцентируем внимание на том, что в отличие от правил грамматики и правописания семантические и стилистические «правила» организации правового текста мало изучены и не находят полного отражения в словарях и грамматиках, в связи с чем, как при разработке правовых текстов, так и при их экспертном анализе возникают определенные вопросы. Например, к семантико-стилистической примете правовых текстов следует отнести синонимические предложные конструкции, используемые для выражения значений «зависимости, обоснования, источника» и «соответствия»: в соответствии (с чем?) со статьей 5 закона..., согласно (чему?) статье 5 закона..., в силу (чего?) статьи 5 закона..., на основании (чего?) статьи 5 закона... Однако какой фактор является определяющим при выборе той или иной конструкции: субъективный (авторские предпочтения), семантический, стилистический, дистрибутивный или фактор частотности, – этот вопрос до настоящего времени остается не раскрытым и требует специального изучения исследователями, рассматривающими функциональные и формально-содержательные особенности правовых текстов.

Поскольку в правотворческом процессе при проведении лингвистической экспертизы грамматико-стилистический аспект преобладает над семантико-герменевтическим, а прогнозирование интердискурсивной адаптации правового текста рассматривается только экспертами-юристами, нейтрализуются условия для «конфликта» лингвистической и юридической интерпретаций, возникающего из-за различных подходов к толкованию и оценке правового текста. Однако в дальнейшем дисбаланс указанных аспектов правотворческой лингвистической экспертизы неизбежно проявляется в процессах применения права. Об этом свидетельствуют цели и востребованность правоприменительной и судебной лингвистических экспертиз.

В процессе правотворчества создаются как тексты законов, так и тексты подзаконных актов (постановлений, указов, распоряжений, приказов и проч.), в связи с чем правотворческая лингвистическая экспертиза условно может быть подразделена на подвиды: лингвистическую

экспертизу законопроектов и лингвистическую экспертизу проектов подзаконных актов. В зависимости от того, какой жанровый или субжанровый тип текста анализирует эксперт-лингвист, полагаем целесообразным к подвиду лингвистических экспертиз законопроектов отнести такие типы экспертных исследований, как: лингвистическая экспертиза проекта базового законодательного акта (конституции (устава), кодекса, закона); лингвистическая экспертиза проекта трансформирующего закона (закона о внесении поправок (изменений) в базовый законодательный акт); лингвистическая экспертиза проекта закона о признании законодательного акта утратившим силу. Базовые, трансформирующие законы и законы о признании законодательных актов утратившими силу различаются по цели, форме и содержанию [11]. Аналогичное типовое деление может быть осуществлено и по отношению к подвиду лингвистических экспертиз проектов подзаконных актов.

Основной задачей *правоприменительной лингвистической экспертизы* является лингвистическое толкование текста действующего нормативного правового акта на предмет выработки у адресата обусловленной поведенческой реакции. Иные аспекты лингвистической экспертизы (в частности, грамматический и стилистический) являются в правоприменительной лингвистической экспертизе факультативными.

Оставляя за рамками настоящей статьи подробный анализ поведенческих установок, отметим следующее. Все кажущееся на первый взгляд многообразие реализации адресатом прав в конкретных действиях может быть сведено к трем основным поведенческим установкам, формируемым посредством правового текста и реализуемым в пространстве правоприменительного субдискурса: исполнение, использование и соблюдение [12, с. 245]. При исполнении адресат должен точно совершать те действия, которые предписаны ему правовой нормой, то есть точно реализовывать программу заданного поведения. При использовании адресат наделяется правом действовать или не действовать по своему усмотрению. При этом, как только адресат воспользуется предоставленной ему возможностью, автоматически меняется его поведенческая установка: с использования – на исполнение. При соблюдении адресат не совершает действия, которые запрещены правовым актом («соблюдает закон»). Соблюдение можно назвать «пассивным исполнением», поскольку адресат исполняет правовой акт, не выполняя определенные действия, то есть бездействуя.

Проблема восприятия и интерпретации правовых текстов заключается, безусловно, и в том, что большинство людей, не имеющих отношения к юридическому дискурсу, не видит разнообразных подтекстов (юридического, политического, экономического и др.), не воспринимает правовой акт как правовой феномен, его сущностную основу и цель – построение определенной модели поведения в различных ситуациях юридического дискурса. Поэтому, например, объем информации, воспринимаемой адресатом, не обладающим юридическими знаниями, и объем информации, воспринимаемой специалистом в области права, различны. В этой связи приведем высказывание О. А. Крапивкиной о том, что «лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества, не имея общего с субъектом-юристом контекста интер-

претации, не может правильно раскрыть содержания» правового текста [13, с. 139].

Однако, несмотря на сформированные у адресата умения толковать правовой текст, все-таки нет гарантии его точного и однозначного понимания. По выражению А. Д. Шмелева, тексты действующих в настоящее время российских законов и подзаконных актов «изобилуют темными местами и двусмысленностями, затрудняющими возможность однозначного толкования» [14, с. 214].

Кроме того, в процессе восприятия адресатом правового текста может произойти преломление воспринимаемой информации и трансформация правовой семантики. Адресат, как неюрист, так и юрист, может не только «сузить» содержание текста и пределы применения правовой нормы, но и, наоборот, «расширить» это содержание, привнести новый смысл, которого не было в замысле, но который необходим адресату для создания полноты воспринимаемой правовой информации, завершенности и целостности коммуникативной ситуации в соответствующей сфере общественных отношений. При этом значимая с точки зрения адресанта правового текста информация может быть воспринята адресатом в качестве не имеющей определенной значимости, и, наоборот, менее значимая информация может быть воспринята в качестве наиболее значимой.

Как полагает Е. Н. Бондаренко, результаты лингвистической экспертизы могут зависеть от постановки вопросов, «отражающей связь оспариваемых речевых фрагментов с контекстом деловой бумаги и подразумевающей конкретизацию семантики языковых фрагментов» [15, с. 224].

Следует констатировать, что вопросы правоприменительной лингвистической экспертизы в отечественной науке практически не исследованы. В качестве исключения могут быть названы работы, посвященные логико-языковому толкованию правовых текстов, в частности, на предмет наличия юридико-лингвистически неопределенных, то есть «неустоявшихся», двусмысленных, оценочных, терминов и понятий (В. В. Астанин, Е. Н. Бондаренко, Е. И. Галяшина, П. А. Кабанов, А. Д. Шмелев и др.). Вместе с тем лингвистические и экстралингвистические аспекты правоприменительной лингвистической экспертизы, ее объект, предмет и задачи, порядок проведения и учета результатов являются актуальной лингвистической проблемой и требуют всестороннего исследования.

Что касается выделения видов правоприменительной лингвистической экспертизы, то полагаем важным отметить следующее. В зависимости от объекта правоприменительные лингвистические экспертизы также могут быть разграничены на подвиды: лингвистическую экспертизу действующего закона и лингвистическую экспертизу действующего подзаконного акта. В свою очередь, в зависимости от жанрового (субжанрового) типа текста и его функциональной роли в правоприменительном дискурсе возможно дальнейшее разграничение правоприменительных лингвистических экспертиз: к подвиду лингвистических экспертиз действующих законов могут быть отнесены лингвистическая экспертиза базового закона и лингвистическая экспертиза трансформирующего закона; к подвиду лингвистических экспертиз действующих подзаконных актов – лингвистическая экспертиза базового подзаконного акта и лингвистическая экспертиза трансформирующего подзаконного акта.

Вопросы *судебной лингвистической экспертизы*, в отличие от правотворческой и правоприменительной, рассмотрены достаточно подробно и с лингвистической, и с правовой, и с юрлингвистической точек зрения в работах А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Н. Е. Васильевой, Е. И. Галяшиной, Н. Д. Голева, Г. В. Кусова, В. А. Мишланова, М. А. Осадчего, М. Л. Подкалитиной, Т. Б. Радбиля и др. Определены понятия, объекты, предмет и задачи судебной лингвистической экспертизы, уточнены компетенции эксперта-лингвиста, выявлено соотношение лингвистических и юридических аспектов данного вида исследования.

Развивая теорию судебного речеведения, Е. И. Галяшина предлагает под судебной лингвистической экспертизой понимать процессуально регламентированное судебно-экспертное лингвистическое исследование устных и письменных «речевых произведений», проводимое в целях получения системной информации об условиях, структуре, содержании, результатах, участниках и компонентах акта речевой коммуникации на основе комплекса специальных научных познаний и завершаемое дачей специального заключения [16; 17].

Специфика судопроизводства обуславливает порядок проведения лингвистической экспертизы, требования к эксперту-лингвисту, форме и содержанию экспертного заключения. Только при соблюдении всех дискурсивно обусловленных факторов лингвистическая экспертиза является доказательством при вынесении судом решения. По мнению Е. И. Галяшиной, судебная лингвистическая экспертиза выполняет свою процессуальную функцию только в том случае, когда ее конечные результаты содержат юридически значимые выводы, а заключение соответствует принципиальным требованиям к экспертной деятельности [17]. Данное утверждение пересекается с мыслью Е. Р. Россинской о том, что «единство интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний», а также «единых подходов к получению доказательственной информации» в рамках судебного процесса [18, с. 422 – 426].

Анализ научных исследований, посвященных вопросам судебной лингвистической экспертизы, показывает, что к судебным лингвистическим экспертизам могут быть отнесены следующие подвиды экспертных исследований: фоноскопические, автороведческие, нейминговые, экспертизы спорных текстов, экспертизы по делам об экстремизме.

Фоноскопические экспертизы направлены на идентификацию человека по звучащей речи, установление дословного содержания разговора, речевых и психологических характеристик говорящего (уровня интеллекта, словарного запаса, эмоциональной устойчивости), определение подготовленности или спонтанности речи, болезненных или возрастных изменений организма говорящего, алкогольного, наркотического, стрессового или иного неадекватного состояния говорящего (Т. А. Алексеева, Е. А. Ануфриева, И. А. Борисова, Е. И. Галяшина, В. Н. Исаенко, Ю. С. Рысин). Основываясь на лингвистических знаниях об особенностях речи, можно построить «поисковый портрет» автора речи (пол, возраст, особенности голоса, уровень образования, этническую и профессиональную принадлежность, акцентные и диалектные особенности и др.), идентифицировать автора

по образцам речи, сделать вывод об эмоциональном состоянии человека [19; 20, с. 217; 21, с. 5].

К задачам автороведческой экспертизы относится диагностика и идентификация человека по письменной речи, подтверждение или опровержение принадлежности текста определенному автору (Е. И. Галяшина, А. В. Волкогонова, Е. Н. Калугина, М. Л. Подкалитина, Е. В. Приводнова). В ходе автороведческой экспертизы также могут быть установлены психологические характеристики, неадекватность состояния автора текста и проч. По словам Е. Н. Калугиной и А. В. Волкогоновой, важнейшим инструментом поиска информации для эксперта являются методы исследования текста, благодаря которым диагностируются как сознательные, так и бессознательные действия автора текста, а также лингвистические идентификаторы (особенности идиостиля, орфографические, пунктуационные, лексические, грамматические, синтаксические ошибки) [22, с. 166 – 167].

К задачам нейминговой экспертизы относится анализ употребления имен собственных и средств индивидуализации, названий как объектов интеллектуальной собственности; установление этимологии и культурологических составляющих имен; традиций письменной закрепленности в различных по стилю текстах (Т. П. Соколова, А. С. Черногорова). Как полагает Т. П. Соколова, проведение нейминговой экспертизы требует от эксперта знаний в области лингвистики, ономастики, судебного речеведения и судебной экспертологии [23, с. 23].

Лингвистические экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, проводятся при необходимости разрешения вопросов о том, содержат ли оспариваемые тексты высказывания оскорбительного характера, негативную информацию, порочащие сведения, отрицательную оценку личностных или профессиональных качеств человека, критику деятельности должностных лиц и организаций (И. М. Балова, Г. С. Иваненко, Г. В. Кусов, М. А. Осадчий). В Конституции России содержатся положения о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (статьи 23 и 24). На наш взгляд, именно закрепление данного права на уровне конституции и гарантии его судебной защиты во многом обуславливают распространенность рассматриваемого вида экспертизы в судебном дискурсе.

К основным задачам лингвистических экспертиз по делам об экстремизме относятся интерпретация смысла высказываний; выявление в устных и письменных текстах высказываний экстремистской и террористической направленности, способствующих разжиганию расовой, национальной, межконфессиональной розни; выявление особенностей восприятия и понимания текстов различными аудиториями (М. В. Аблин, К. И. Бринева, М. Л. Подкалитина, Т. А. Сироткина, А. В. Стрункина).

Вышеизложенную информацию о видах и аспектах лингвистических экспертиз, проводимых в юридическом дискурсе, можно кратко представить в виде следующей таблицы.

Таблица. Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе
Table. Linguistic expertise in legal discourse

<i>Правотворческие лингвистические экспертизы</i>	<i>Правоприменительные лингвистические экспертизы</i>	<i>Судебные лингвистические экспертизы</i>
– лингвистические экспертизы проектов законов (базовых и трансформирующих); – лингвистические экспертизы проектов подзаконных актов (базовых и трансформирующих)	– лингвистические экспертизы действующих законов (базовых и трансформирующих); – лингвистические экспертизы действующих подзаконных актов (базовых и трансформирующих)	– фоноскопические экспертизы; – автороведческие экспертизы; – нейминговые экспертизы; – лингвистические экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; – лингвистические экспертизы по делам об экстремизме

В связи с рассмотрением видов лингвистических экспертиз, проводимых в рамках правотворческого, правоприменительного и судебного дискурсов, возникает вопрос о компетенциях эксперта-лингвиста.

Следует согласиться с Е. Б. Лактионовой в том, что «экспертное исследование опирается на уже известные научные факты и измерительные процедуры и представляет собой их непосредственное применение при решении конкретных практических задач», поэтому экспертиза как инструмент познания «предполагает ориентацию, прежде всего, на компетентность и опыт специалиста-эксперта, личность которого и является главным «инструментом» исследования» [24, с. 20 – 21].

Под экспертом в общем смысле понимается лицо, обладающее специальными знаниями и умениями в определенной области, назначаемое или приглашаемое для производства экспертизы и дачи заключения по заранее поставленным вопросам. К отличительным особенностям работы эксперта относятся высокий уровень знаний, отличающий эксперта от специалиста по соответствующему направлению, в том числе знание методологии экспертного исследования, самостоятельность проведения экспертизы, независимость взглядов и экспертного мнения, ответственность за полученные в результате проведенной экспертизы выводы, обоснованность и объективность выводов.

К профессиональным компетенциям эксперта-лингвиста следует отнести лингвистическую компетенцию и экспертную компетенцию.

Структура лингвистической компетенции отражает научный подход к рассмотрению языкового и речевого аспектов языковой коммуникации, в связи с чем лингвистическая компетенция подразделяется нами на языковую и речевую в их теоретическом и практическом аспектах. При этом мы согласны с А. Д. Шмелевым, который полагает, что «лингвистический профессионализм должен сочетаться со здравым смыслом, чтобы учесть разные аспекты функционирования русского языка во всем их многообразии» [14, с. 218].

Структура экспертной компетенции отражает представление об объекте, предмете, целях и задачах конкретного экспертного исследования. Экспертная компетенция, в свою очередь, подразделяется на теоретическую (совокупность знаний о лингвистической эксперти-

зе) и практическую (совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой, правоприменительной или судебной).

Исследователи, развивающие гипотезу судебного речеведения (Е. И. Галяшина, М. Л. Подкалитина), подчеркивают приоритет экспертов, обладающих «двойной» компетенцией, то есть имеющих теоретические и практические знания в области лингвистики и права, по сравнению с экспертами, обладающими знаниями только в одной из областей (либо лингвистической, либо правовой). В частности, М. Л. Подкалитина полагает, что компетенцию эксперта-лингвиста, проводящего лингвистическую экспертизу экстремистских материалов, составляют знания не только в области лингвистики, но и в области судебного речеведения, теории и практики судебной экспертизы, законодательства о противодействии экстремистской деятельности [25, с. 7].

В связи с особым значением статусно-функциональной роли эксперта для развития юридического дискурса вопрос о «двойной» компетенции эксперта-лингвиста требует специального изучения.

Заключительные положения

Язык – ключевое условие правовой культуры. С помощью языка выражается правовая мысль, создаются правовые тексты, развивается правовая система, реализуются и оцениваются установленные данной системой правила поведения в обществе, формируется правосознание.

Поскольку правовая культура построена на основе языка, лингвистическое и правовое знания находятся в тесной связи, выражающей, в частности, в том, что лингвисты, исследующие правовые тексты либо участвующие в их экспертизе, особое внимание уделяют экстралингвистическим факторам порождения и существования правовых текстов в государственно-правовом контексте, а юристы при создании и исследовании правовых текстов обращаются к вопросам языка и речи, правописания, теории текста и толкования. Междисциплинарный подход обуславливает применение особой методологии экспертной лингвистической деятельности, осуществляемой в рамках юридического дискурса.

Литература

1. Голев Н. Д. Теоретические аспекты юридического функционирования естественного языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: мат. III Международного конгресса. М.: МГУ. 2007. С. 779 – 780.
2. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 204 – 211.
3. Батюшкина М. В. Лингвистическая и правовая модели классификации лингвистических экспертиз // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 222 – 230.
4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
5. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 42 с.
6. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 192 – 212.
7. Нестеров А. В. Экспертиза в общей теории экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2(30). С. 162 – 168.
8. Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.
9. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов // Качество законодательства и проблемы юридической техники: материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 15 октября 2015 года. М.: Издание Госдумы, 2016. С. 235 – 271.
10. О нормативных правовых актах Нижегородской области: закон Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-3: принят Законодательным Собранием Нижегородской области 27 января 2005 г.: в ред. закона Нижегородской области от 5 августа 2014 г. № 95-3 // СПС «Консультант Плюс Регион» (дата обращения: 18.11.2016).
11. Батюшкина М. В. К вопросу об определении субжанра текстов законов о внесении изменений // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2(28). С. 118 – 124.
12. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
13. Крапивкина О. А. Две грани дискурса – две ипостаси субъекта // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 137 – 143.
14. Шмелев А. Д. Здравый смысл и лингвистическая экспертиза в различных правовых системах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 214 – 219.
15. Бондаренко Е. Н. Лингвистическая экспертиза документов: формулировка вопросов, установление контекста и семантики ключевых слов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы V Международной практической конференции. Ростов на/Д., 2015. С. 216 – 224.
16. Галяшина Е. И. Методологические основы судебного речеведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 58 с.
17. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 17 – 21.
18. Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex russica. 2013. № 4. С. 421 – 428.
19. Алексеева Т. А. Криминалистическое учение о речи: историко-содержательный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 113 – 115.
20. Алексеева Т. А. Особенности устной речи и их использование в криминалистике // Общественные науки. 2012. № 1. С. 217 – 223.
21. Ануфриева Е. А. Проблемы назначения фоноскопической экспертизы при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений // Российский следователь. 2015. № 22. С. 3 – 7.
22. Калугина Е. Н., Волкогорова А. В. Лингвистическая экспертиза анонимного текста: методы и подходы // Вестник АПК Ставрополя. 2016. № 2(22). С. 166 – 168.
23. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза в гражданском судопроизводстве: организационные и методические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 22 – 27.
24. Лактионова Е. Б. Аналитический обзор основных подходов к психологической экспертизе образовательной среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 18 – 32.
25. Подкалитина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.

LINGUISTIC EXPERTISE IN LEGAL DISCOURSE: TYPES AND ASPECTS

Marina V. Batyushkina^{1, @}¹ Legislative Assembly of Omsk Region, 1, Krasnii Put St., Omsk, 644002
@ soulangeana@mail.ru

Received 22.11.2016.

Accepted 02.02.2017.

Keywords: linguistic expertise, juridical discourse, expert opinion, interdisciplinary competence of the expert, classifications.

Abstract: The article is devoted to the relevance of special linguistic knowledge in legal discourse and the determination of the competence of an expert linguist. It features the analyses of the basis for the use of linguistic expertise in the aspect of the legal discourse. Special attention is given to the analysis of the relation between the concept of juridical discourse and the legislative discourse, law enforcement discourse, court discourse. The problem of classification of linguistic expertise with application of methods of the theory of classification and an example of subsumption classification division of linguistic expertise are considered. The problem of classification of linguistic expertise can be solved only through a systematic approach. It is shown that one of the most important issues of modern linguistic expertise is the problem of the choice from a wide range of experts as well as the interdisciplinary competence of the forensic linguist. The article includes analysis of the requirements to the experts. It is demonstrated that integrated (inter-disciplinary) investigations may be carried out, as it often happen in current practice, by a single examiner possessing all the necessary qualifications. The study is based on the general scientific dialectical method. The author uses the following special methods: system-structural method, logical method, comparative method, as well as induction and analysis. The presented results provide ideas for further discussion on the problem of classification of linguistic expertise and interdisciplinary competence of the linguist-expert.

For citation: Batyushkina M. V. Lingvisticheskie ekspertizy v iuridicheskom diskurse: vidy i aspekty [Linguistic Expertise in Legal Discourse: Types and Aspects]. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2017); (2): 164 – 172. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-164-172.

References

1. Golev N. D. Teoreticheskie aspekty iuridicheskogo funktsionirovaniia estestvennogo iazyka [The theoretical aspects of operation of natural language in the context of law activity]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Mat. III Mezhdunarodnogo kongressa* [Russian language: its historical destiny and present state: Proc. III Intern. Congress]. Moscow: MGU. 2007, 779 – 780.
2. Kara-Murza E. S. Lingvisticheskaya ekspertiza kak instrument iazykovoi politiki [Linguistic expertise as a language policy tool]. *Trudy instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova = Proceedings of the Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov*, no. 2-1 (2014): 204 – 211.
3. Batiushkina M. V. Lingvisticheskaya i pravovaya modeli klassifikatsii lingvisticheskikh ekspertiz [Classification of linguistic expertise: linguistic and legal models]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, no. 6 (2016): 222 – 230.
4. Saussure F. *Kurs obshchei lingvistiki* [Cours de linguistique generale]. Ed. Bally Ch. and Sechehaye A. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999, 432.
5. Brinev K. I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2010, 42.
6. Golev N. D., Matveeva O. N. Iurislolingvisticheskaya ekspertiza: na styke iazyka i prava [Jurislinguistic examination at the meeting point of language and law]. *Iurislolingvistika = Jurilinguistic*, no. 7 (2006): 192 – 212.
7. Nesterov A. V. Ekspertiza v obshchei teorii ekspertizy expertise [Expertise in the general theory of expertise of the Nizhny Novgorod region]. *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and practice of forensic examination*, no. 2(30) (2013): 162 – 168.
8. Kriukova E. A. *Iazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [The language and style of the legal acts. Cand. legal Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2003, 22.
9. Metodicheskie rekomendatsii po lingvisticheskoi ekspertize zakonoproektov [Methodological recommendations for the linguistic expertise of draft laws]. *Kachestvo zakonodatel'stva i problemy iuridicheskoi tekhniki Materialy seminar s uchastiem rukovoditelei pravovykh sluzhb zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. Moskva, 15 oktiabria 2015 goda* [The quality of legislation and legislative technique: The materials of the seminar with participation of heads of legal services of the legislative (representative) and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation. Moscow, October 15, 2015]. Moscow: Izdanie Gosdumy, 2016, 235 – 271.
10. *O normativnykh pravovykh aktakh Nizhegorodskoi oblasti* [On normative legal acts of the Nizhny Novgorod region]. Nizhny Novgorod region law of February 10, 2005 No. 8-Z, adopted by the Legislative Assembly of Nizhny Novgorod region January 27, 2005, in edition of law of the Nizhny Novgorod region on August 5, 2014 No. 95-Z.

11. Batiushkina M. V. K voprosu ob opredelenii subzhanra tekstov zakonov o vnesenii izmenenii [On the question of defining of the subgenres of texts of laws on modification]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk state University*, no. 2(28) (2016): 118 – 124.
12. Alekseev S. S. *Obshchaia teoriia prava* [General theory of law]. Moscow: Iurid. lit., vol. 1 (1981): 360.
13. Krapivkina O. A. Dve grani diskursa – dve ipostasi sub"ekta [Two edges of discourse – two guises of the subject]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian philological journal*, no. 1 (2013): 137 – 143.
14. Shmelev A. D. Zdravyi smysl i lingvisticheskaia ekspertiza v razlichnykh pravovykh sistemakh [Common sense and linguistic examination in different legal systems]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 214 – 219.
15. Bondarenko E. N. Lingvisticheskaia ekspertiza dokumentov: formulirovka voprosov, ustanovlenie konteksta i semantiki kluchevykh slov [Linguistic expertise of documents: the wording of questions and the context of the establishment of the semantics of the keywords]. *Iazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviia: Materialy V-oi Mezhdunarodnoi prakticheskoi konferentsii* [Language and law: actual problems of interaction: Proc. V Intern. Prac. Conf.]. Rostov-on-Don, 2015, 216 – 224.
16. Galiashina E. I. *Metodologicheskie osnovy sudebnogo rechevedeniia*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Methodological principles of forensic examinations of speech. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2003, 58.
17. Galiashina E. I. Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: vostrebovannost' i kompetentsii [Forensic Linguistic Examination in Civil Proceedings: Relevance and Competence]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 10 (2015): 17 – 21.
18. Rossinskaia E. R. Sovremennye predstavleniia o predmete i sisteme sudebnoi ekspertologii [Current understanding of object and system of the forensic expertise]. *Lex russica*, no. 4 (2013): 421 – 428.
19. Alekseeva T. A. Kriminalisticheskoe uchenie o rechi: istoriko-soderzhatel'nyi aspekt [Criminalistical study of oral speech: historical aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Tomsk state University*, no. 343 (2011): 113 – 115.
20. Alekseeva T. A. Osobennosti ustnoi rechi i ikh ispol'zovanie v kriminalistike [The peculiarities of speech in criminalistics]. *Obshchestvennye nauki = Social Sciences*, no. 1 (2012): 217 – 223.
21. Anufrieva E. A. Problemy naznachenii fonoskopicheskoi ekspertizy pri raskrytii i rassledovanii korruptsionnykh prestuplenii [Issues of commissioning a phonoscopic examination in detection and investigation of corruption crimes]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, no. 22 (2015): 3 – 7.
22. Kalugina E. N., Volkogonova A. V. Lingvisticheskaia ekspertiza anonimnogo teksta: metody i podkhody [The linguistic examination of the anonymous text: approaches and methods]. *Vestnik APK Stavropol'ia = Vestnik APK Stavropol*, no. 2(22) (2016): 166 – 168.
23. Sokolova T. P. Neimingovaia ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: organizatsionnye i metodicheskie problemy [Naming examination in court practice: methodical and applied problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 10 (2015): 22 – 27.
24. Laktionova E. B. Analiticheskii obzor osnovnykh podkhodov k psikhologicheskoi ekspertize obrazovatel'noi sredy [A complex review of current trends in the examination of the educational environment]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia of Russian state pedagogical University named A. I. Herzen*, no. 68 (2008): 18 – 32.
25. Podkalitina M. L. *Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza ekstremistskikh materialov: teoreticheskie i metodicheskie aspekty*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Forensic linguistic expertise of the extremist materials: theoretical and methodological aspect. Cand. legal Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2013, 28.